

В рецензии на сборник Петербургского музыкального архива (вып. 7), посвященный Н. А. Римскому-Корсакову, рассматриваются статьи разных авторов о малоизвестных страницах биографии и творчества композитора (ряд документов и архивных материалов публикуется впервые). Издание существенно дополняет известный круг музыковедческих трудов, освещающих деятельность Римского-Корсакова — композитора, дирижера, педагога, редактора.

In the review of the St Petersburg Musical Archives 7th Issue devoted to N. A. Rimsky-Korsakov, several articles by different authors about less known pages of the composer's biography and creative work (with a number of documents published for the first time) are marked out and analyzed at length. On the whole, the edition reviewed is a valuable supplement to the yet-known circle of musicological works elucidating the various aspects of Rimsky-Korsakov's creative activities as composer, conductor, teacher and music editor.

Иосиф РАЙСКИН

«Дорогое Маэстро...»

Петербургский музыкальный архив. Вып. 7. Н. А. Римский-Корсаков: Сборник статей. — СПб: Композитор * Санкт-Петербург, 2008. — 319 с.

«Ника родился 6 числа в 4 часа и 53 минуты пополудни».

А. П. Римский-Корсаков

Вот уже который год, бывая в Тихвине, в Доме-музее Н. А. Римского-Корсакова 18 марта (6 марта по старому стилю) — в день рождения великого птенца, вылетевшего из родового гнезда, — мы слышим голос кого-нибудь из сотрудников музея, прерывающий концерт или выступление докладчика и торжественно объявляющий, что именно в эту минуту родился мальчик Ника, будущий автор «Садко» и «Шехеразады»...

В год 100-летия со дня смерти композитора сделан еще один шаг к прочтению и освоению его богатейшего рукописного наследия, писем и других документов, сохраняемых в архивах и библиотеках. Вышел в свет очередной 7-й выпуск «Петербургского музыкального архива», посвященный Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову.

Сборник статей и публикаций подготовлен сотрудниками Научно-исследовательского отдела рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории (НИОР НМБ СПбГК) и основан преимущественно на материалах IX Чтений отдела рукописей, проходивших 17–18 марта 2004 года к 160-летию Н. А. Римского-Корсакова.

«Земной путь Николая Андреевича Римского-Корсакова уложился в недолгие 64 года, но, благодаря огромному количеству материалов, которые любовно сберегли для нас сыновья и ныне живущие потомки великого композитора, биография его кажется поистине безбрежной» — это из статьи Г. В. Копытовой, в которой впервые полностью публикуется «Свидетельство о рождении и крещении Н. А. Римского-Корсакова» (с. 11). Воспроизводимый документ и замет-

ки отца композитора Андрея Петровича (из них заимствуем эпиграф), по словам автора статьи, «создают достоверную картину радостного семейного события, состоявшегося в Тихвине 27 марта 1844 года во второй день Светлой пасхальной недели» (с. 19).

В работе архивистов нет мелочей: подчас одна строка автографа проливает свет на те или иные стороны жизни и творчества художника, подтверждает и укрепляет сложившиеся о нем представления. За два года до своей кончины Т. В. Римская-Корсакова (1915–2006), внучка композитора, передала в НИОР НМБ СПбГК автограф Николая Андреевича — подаренную им Василию Васильевичу Ястребцеву музыкальную фразу из «Сервиллии». Для Римского-Корсакова, крещеного в православии, но по воззрениям скорее пантеиста, характерен выбор им строки из оперы: «Перед тобой, верховный разум, преклоняя я колена».

Ответственный редактор сборника Т. З. Сквирская выступает с обзором хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей библиотеки консерватории автографов Н. А. Римского-Корсакова. Она отмечает, что многие документы композитора «пока не введены в научный оборот, не изучены и не опубликованы» (с. 28). Среди них около трети из более чем двухсот писем композитора к разным лицам, дарственные надписи на нотах и фотографиях. Среди нотных рукописей несомненный интерес представляют партитура Второй симфонии Бородина, часть страниц которой написана рукой Римского-Корсакова, а также материалы, связанные с редактированием «Князя Игоря». До недавнего времени считалась утерянной рукопись учебника

инструментовки 1870-х годов. С ним редакторы сборника обещают познакомить читателей ближайших выпусков «Петербургского музыкального архива».

Публикация фрагмента «Валторна, или рог с тремя пистонами или цилиндрами» из этого учебника сопровождается обстоятельными статьями и комментариями Л. А. Миллер и Л. М. Бутира. Предваряя текст Римского-Корсакова, Миллер пишет: «В названии главы отразился тот факт, что с легкой руки Балакирева, его единомышленники называли валторну рогом: такое обозначение встречается в ранних партитурах самого Балакирева, а также Римского-Корсакова и Мусоргского» (с. 57). Не могу в этой связи не напомнить известную смешную сценку на оркестровой репетиции под управлением Балакирева. В ответ на обращение Балакирева-дирижера: «Roga!...» — далее следовали исполнительские указания, — возмущенный немец-валторнист отвечал: «Nicht roga! Das ist Waldhorn!». Менее других подверженный «детской болезни» показного русофильства, Римский-Корсаков в постоянном обиходе называл валторну — валторной!

Вводя в научный оборот главу из раннего учебника Римского-Корсакова, Л. М. Бутир подробно восстанавливает эволюцию взглядов композитора на две разновидности валторны — натуральную и хроматическую. Сделано это в тесной связи с разнообразной деятельностью Римского-Корсакова — композитора, инспектора музыкантских хоров Морского ведомства, дирижера, педагога, инструментоведа, наконец, признанного мастера музыкального колорита, будущего автора «Основ оркестровки».

Статьи сборника естественно перекликаются: так А. И. Климовицкий напоминает письмо 18-летнего Римского-Корсакова к Балакиреву, в котором юный гардемарин пылливо вникает в оркестровку «Героической», не останавливаясь перед авторитетом Бетховена, споря, ошибаясь в силу недостатка знаний и опыта, но главное, замечает Климовицкий, «Римский-Корсаков в своей критике бетховенской оркестровки нацелен на постижение тайн святого ремесла, и в его суждениях, порой опрометчивых, проявляется взыскующий и пылливый слух...» (с. 229). Слух молодого композитора, слух дирижера и педагога — во всем многообразии его проявлений — от восторгов благодарно внимающего неопита до требовательного взгляда профессионала, находящего в оркестровке Бетховена (!) «миллион противоречий» (с. 231). Тщательное и всестороннее рассмотрение дирижерских помет Римского-Корсакова в бетховенских партитурах, анализ его переписки и бесед с друзьями и коллегами, свидетельства его «глубоко интимного, сокрытого от посторонних глаз общения» с музыкой Бетховена, «чтения — <...> всматривания-вслушивания в музыку с максимально близкого расстояния, вникания в музыкальный текст» (с. 234) дают исследователю право выступить в сущности первооткрывателем обширной корсаковской бетховенианы. Остается только удивляться вместе с автором статьи, что до настоящего времени «имя Бетховена в огромной литературе о Римском-Корсакове в лучшем случае лишь упоминается» (с. 218). Стихийный пантеизм юного Ники проявляется в особой любви к Пасторальной симфонии Бетховена, играемой в четыре руки, восторженно переживаемой в оркестре. Девятая для него до конца дней — высочайший эталон («... я свою 9-ю симфонию давно уже написал в виде оперы “Снегурочка”» — из письма В. В. Стасову, см. с. 233), а в молодости еще объект для подражания («Первая часть своим началом и некоторыми приемами напоминала начало 9-й симфонии Бетховена» — вспомнит композитор спустя десятилетия о замысле Второй симфонии, см. с. 224).

Неосуществленному замыслу Второй симфонии h-moll в контексте симфонических пьес Римского-Корсакова 1860-х годов посвящена статья Г. А. Некрасовой. В ней уточняется датировка автографов симфонии, хранящихся в Российской Национальной библиотеке, весьма детально и убедительно обосновываются причины, заставившие композитора прервать работу над симфонией. Неза-

вершенная Вторая симфония, как указывает автор статьи, проросла своими темами в «Псковитянке» — первой опере композитора, и в его «Девятой симфонии» — «Снегурочке».

Обширное исследование А. Гауба «Музыка Н. А. Римского-Корсакова для гедеоновской “Млады”» приоткрывает завесу над участием Римского-Корсакова в этой коллективной работе. Публикуется четырехручный клавир «Полета теней» — единственного из номеров, принадлежащих Римскому-Корсакову, нотный автограф которого сохранился целиком. «Удивительно, — пишет А. Гауб, — что “Полет теней” не находил никакого освещения в музыковедческой литературе вплоть до 1993 года, когда я начал работу над докторской диссертацией» (с. 111).

Впрочем, этому перестает удивляться, читая другие статьи сборника. Нашему «корсаковедению» предстает огромная архивная работа. «Неопубликованных писем Римского-Корсакова, к сожалению еще осталось великое множество, и среди них — весьма значительные по объему и по смыслу документы» (с. 276) — пишет М. П. Рахманова, предвзято публикуя «Н. А. Римский-Корсаков в Капелле: письма композитора к С. В. Смоленскому и С. Д. Шереметеву». Отчасти лакуны восполняются помещенными в сборнике статьями П. Е. Вайдман («Материалы и документы Н. А. Римского-Корсакова и его семьи в фондах Дома-музея П. И. Чайковского»), А. Г. Айнбиндер («Издания сочинений Н. А. Римского-Корсакова в личной библиотеке П. И. Чайковского»), В. А. Сомова («Материалы Н. А. Римского-Корсакова в Беляевском архиве Санкт-Петербургской консерватории»), Л. Г. Данько («Творческие контакты Н. А. Римского-Корсакова: письма 1904–1908 годов»). Как современно звучит «уничтожающая критика в адрес оркестра» в цитируемом Данько письме Н. А. Римского-Корсакова к А. И. Зилоти: «Рубинштейновская и направниковская музыка не виноваты, а виноват распущенный и невнимательный оркестр, у которого нет *артистического самолюбия*» (с. 304).

Очерк Н. К. Дроздецкой «Н. Н. Лодыженский и Н. А. Римский-Корсаков: эпизоды дружбы и сотрудничества» возобновляет интерес к одному из «малых кучкистов» (если позволить этот термин по аналогии с «малыми голландцами»). Интерес этот оживился в последнее время, о чем свидетельствуют, в частности, статьи и публикации В. Г. Соловьёва о другом «балакиревце» — Н. В. Щербачева («Краткие заметки о творчестве Н. В. Щербачева», «Письмо Николая

Щербачева к Милию Балакиреву 1 декабря 1886 года», «“Братья” Щербачевы»), помещенные в авторском сборнике статей и материалов В. Г. Соловьёва «Музыкальные тропы России» (СПб, 2007). Исследователей ждет и архив раннего члена балакиревского содружества А. С. Гуссаковского.

Статья А. П. Грибановой «Из истории Второго квартета А. П. Бородина (Ноктюрн в оркестровке Н. А. Римского-Корсакова)» продолжает тему человеческой и творческой дружбы (надо ли напоминать, с каким чувством долга относился Н. А. Римский-Корсаков к произведениям рано ушедших друзей, редактируя, восставлявшая оркестру музыку Бородина, Мусоргского...) и одновременно привлекает внимание к редкому у Корсакова опыту инструментовки для скрипки и малого симфонического оркестра.

«Римский-Корсаков — преподаватель теории музыки» — тема статьи Э. А. Фатыховой-Окуневой. В ней анализируются тетради ученических упражнений 14–15-летнего Саши Глазунова с пометами Римского-Корсакова, приводятся обширные извлечения из рукописи неизвестного автора, где «воссоздается картина занятий Римского-Корсакова с Глазуновым, уроков, которые были интересны не только ученику, но и педагогу» (с. 171). Отношения учителя и ученика переросли в многолетние привязанность и сотрудничество, которым русская музыка обязана многими замечательными страницами. Их письма друг к другу, с неизменным шутливым обращением: «Дорогое (дражайшее, милое, уважаемое) Маэстро» — памятник бескорыстной человеческой и творческой дружбы.

Совместно возведенный памятник почитаемому ими учителю и основателю русской композиторской школы в центре статьи З. М. Гусейновой «Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов — редакторы “Жизни за царя”». Предпринятое автором статьи сравнение различных редакций партитуры глинкинского шедевра, интереснейшие наблюдения над редакторской работой Римского-Корсакова и Глазунова сегодня представляются особенно актуальными: первенец Глинки по сути начинает на отечественной сцене новую жизнь после долгих десятилетий искажений не только музыкального оригинала, но и исторической правды. А высказанное Гусейновой пожелание продолжить работу над сопоставлением всех четырех изданий партитуры «Жизни за царя» — перекликается с лейтмотивом рецензируемого сборника, побуждающим к творческим поискам и находкам.